

СОВРЕМЕННОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ И ВООРУЖЕНИЕ КАЗАКОВЪ.

Въ статьяхъ моихъ о «Современномъ образованіи казаковъ» (*) мнѣ приходилось говорить о вопросахъ, которые, болѣе или менѣе, подвергались формальному обсужденію казаковъ, или же основывались на правилахъ, какъ общихъ для арміи, такъ и частныхъ, изданныхъ собственно для казаковъ.

Въ этой статьѣ мнѣ предстоитъ рассмотретьъ вопросы, только частью протѣренныя мнѣніями другихъ казаковъ, и притомъ частнымъ образомъ, и потому я могу здѣсь говорить единственно отъ своего лица. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что мнѣнія мои основываются, по большей части, на личномъ моемъ опытѣ и наблюденіи.

ОБМУНДИРОВАНИЕ КАЗАКОВЪ.

Этотъ вопросъ — первой важности для казаковъ, обмундировавшихся на собственный счетъ — заключается въ томъ, чтобы одежда, носимая ими въ домашнемъ быту, и одежда форменная, по возможности, менѣе расходились между собою, какъ въ покрое, такъ и по практичности при служебномъ и домашнемъ ея употребленіи. Въ этомъ смыслѣ, намъ можно и даже необходимо пожелать кое-какихъ измѣненій.

а) *Мундиръ.*

1) *Казакки* (чекмень), въ настоящее время, кроится такъ, чтобы полы казаккина, когда человекъ станетъ на колѣна, не доходили на четверть аршина до полу. Намъ кажется, слѣдовало бы дѣлать такъ, чтобы полы казаккина, при большихъ (по колѣно) сапогахъ, могли прикрывать колѣна и тѣмъ защищать ихъ отъ дождя и

(*) См. «Военный Сборникъ» №№ 6-й и 9-й за 1870 г.

холода. Таля казакина не должна стягивать корпуса въ рюмочку, а должна быть свободною на столько, чтобы можно было надѣвать подъ казакинъ теплую фуфайку; подкладка талии должна быть изъ плотнаго полотна; рукава въ плечахъ и локтяхъ совершенно свободны, а къ кистямъ сужены на столько, на сколько нужно, чтобы кисти рукъ проходили въ нихъ свободно: это, до извѣстной степени, будетъ защищать ихъ отъ холода.

2) *Шаровары* теперь кроются такъ, что каждая штанина внизу имѣетъ шесть вершковъ по ширинѣ и сохраняетъ эту ширину вверхъ до разрѣза, гдѣ вставляются небольшіе клинья, идущіе внизъ и вверхъ. Но, при употребленіи большахъ сапоговъ, было бы практичнѣе, если бы каждая штанина имѣла внизу 4—5 вершковъ, смотря по размѣрамъ ноги, и, подымаясь вверхъ, расширялась такъ, чтобы въ шагѣ было какъ можно шире, наподобіе малороссійскихъ штановъ. Такой покрой, кромѣ удобства, даетъ и прочность шароварамъ.

При такомъ покроѣ казакина и шароваръ, въ армейскихъ казачьихъ частяхъ не должно быть никакихъ особенныхъ парадныхъ мундировъ; въ гарнизонной и полевой службѣ можно довольствоваться однимъ общимъ мундиромъ.

Матеріаломъ для мундира служить синее сукно, но сукно слишкомъ тонкое и рѣдкое. Что же касается синяго цвѣта, то онъ могъ бы оставаться безъ измѣненія, но, въ отношеніи плотности и толщины, слѣдовало бы, чтобы эти качества матеріала не уступали сукну, употребляемому на мундиры въ арміи. Казачьи мундиры, построенные изъ такого матеріала по указанному покрою, при прочной окраскѣ сукна, могли бы быть удобными и носкимъ платьемъ на службѣ, въ домашней жизни и даже на работѣ.

Мундиры для казачьихъ офицеровъ, по моему мнѣнію, не должны бы ничѣмъ отличаться отъ мундировъ рядовыхъ казаковъ, кромѣ звѣздочекъ на погонахъ. Эти нѣсколько звѣздочекъ на тѣхъ же казачьихъ погонахъ, напримѣръ, одна хорунжему, двѣ сотнику, три есаулу и т. д., укажутъ постороннему на военное званіе извѣстнаго лица, а свои и безъ этого отличія будутъ знать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Встаетъ бы было и бѣлую, и серебряную амуницію замѣнить черными глящовыми ремнями, а патронташъ, какъ ненужную вещь, упразднить; патроны для револьвера могутъ храниться въ его же кабурѣ, подъ крышкою. Много рублей осталось бы въ карманахъ казачьихъ офицеровъ—рублей, необходимыхъ на болѣе нужныя вещи.

б) *Плащъ.*

Плащъ, при большихъ сапогахъ, можетъ дѣлаться короче, но непременно шире того, чѣмъ теперь дѣлается; онъ долженъ свободно надѣваться на полушубокъ; въ плечахъ и локтяхъ быть шире, а къ кистяхъ рукъ уже. Воротники, при употребленіи башлыковъ, нѣтъ надобности дѣлать слишкомъ широкими.

Матеріалъ, употребляемый на плащи—сѣрое фабричное сукно, но сукно рѣдкое и недоброкачественное; необходимо, чтобы сукно было такой же доброты и плотности, какое выдается въ арміи.

Такого рода обмундированіе, защищая тѣло отъ сырости и холода, будетъ значительно способствовать сбереженію здоровья людей и окажется одинаково практичнымъ и на службѣ, и въ домашнемъ быту. Нынѣшніе же мундиры, изъ тонкаго, неплотнаго сукна, съ коленинковой подкладкой, съ короткою юбкою, вмѣстѣ съ плащами изъ дурно-сваленнаго матеріала, составляютъ для людей, какъ всякій можетъ объ этомъ судить, очень плохую защиту въ осеннее и зимнее время.

Значительная часть мундировъ, плащей и проч. забирается на сборныхъ мѣстахъ, при выходѣ казаковъ на службу. Мнѣ кажется, существуютъ какія-то правила для такого рода поставокъ, но я не знаю, въ чемъ они именно заключаются; тѣмъ менѣе знаютъ объ этомъ казаки. Матеріалы же, изъ которыхъ дѣлаются поставщиками мундиры и плащи, оказываются невысокаго качества. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ прошедшемъ времени. При выходѣ на службу, начальники частей едва имѣютъ возможность принять людей по спискамъ и по наружному виду; о серьезномъ же осмотрѣ обмундированія и вооруженія казаковъ и рѣчи быть не можетъ. Да имѣютъ ли они на это право? По крайней мѣрѣ, мнѣ не случилось не только видѣть, но и слышать о приложеніи такого права на практикѣ.

в) *Головной уборъ.*

Казачій армейскій киверъ не заключаетъ въ себѣ ни красоты, ни пользы; это преданіе чего-то давно минувшаго, совершенно видоизмѣненнаго и утратившаго смыслъ, если только смыслъ придавался ему когда-либо. Я не стану говорить о красотѣ, такъ какъ это вещь условная — о вкусахъ спорить нельзя; а о пользѣ скажу нѣсколько словъ. Если киверъ назначается для прикрытія головы отъ ударовъ холоднаго оружія и для защиты отъ холода въ зимнее время, то его слѣдовало бы дѣлать не на кожѣ, какъ теперь, а на войлокѣ, и притомъ такъ, чтобы онъ могъ надѣваться лѣтомъ на *бекренъ*,

а зимою по уши; для чего онъ долженъ быть сверху нѣсколько шире и нѣсколько ниже теперешняго. Киверь, съ чахлою изъ клеенки и съ козырькомъ, можетъ составить головной уборъ домашній, караульный и походный, а киверь открытый, т. е. безъ чахла, служилъ бы параднымъ головнымъ уборомъ. Такое измѣненіе формы кивера устранило бы потребность въ фуражкѣ, какъ строевой вещи, и она сдѣлалась бы чисто домашнею, частною принадлежностью казаковъ, до которой начальству не было бы никакого дѣла. Или же киверь можно было бы совсѣмъ упразднить и остаться при однѣхъ фуражкахъ, построенныхъ на войлокѣ, какъ на испытанной защитѣ головы даже отъ кавказскихъ шашекъ (также отъ холода и солнечныхъ лучей), добавивъ только къ нимъ гербъ и какой-либо султанъ для парада. Помимо практичности такого преобразованія, оно было бы выгодно для казаковъ и въ экономическомъ отношеніи. Вводя то или другое измѣненіе, нужно прежде всего обращать вниманіе, между прочимъ, и на матеріальные интересы казаковъ. Обмундирываясь на свой счетъ, казаки могутъ желать формы только прочной, удобной, полезной дома и на службѣ и, по возможности, дешевой.

г) Полушубки или фуфайки.

Или плотныя фуфайки подъ мундиръ, или легкіе и короткіе полушубки подъ плащъ, должны быть признаны необходимою принадлежностью строеваго обмундированія казаковъ. Кто служилъ въ рядахъ, кто серьезно и сочувственно относился къ людямъ, составляющимъ эти ряды, тотъ не можетъ не признать настоятельной необходимости въ тепломъ платьѣ. Зимнія командировки, даже домашніе караулы, и въ особенности отправленіе больныхъ людей въ госпитали, нерѣдко на значительныя разстоянія, въ одеждѣ состоящей изъ тонкихъ мундировъ и жидкихъ плащей (иногда сильно поношенныхъ), представляютъ такую практику, съ которою трудно мириться.

Башлыки и *сапоги*, съ голенищами по-колѣно, какъ для пѣшихъ, такъ и для конныхъ людей, важное пріобрѣтеніе въ формѣ послѣдняго времени.

СТРОЕВОЙ ВЫЮКЪ.

а) *Казачье сѣдло.*

Въ отношеніи общаго устройства и легкости казачьихъ сѣделъ, не остается пока желать ничего лучшаго. Должно, впрочемъ, замѣтить, что было бы желательно, если бы передняя лука дѣлалась нѣ-

скольго наклонной впередъ, для устраненія ушибовъ, отъ которыхъ нерѣдко появляется у людей грыжа. Хотя для казачьихъ сѣделъ и есть образцы, но образцовъ этихъ не всегда придерживаются. Нерѣдко отстугленія являются въ капитальныхъ частяхъ сѣдла, т. е. въ палицѣ—ширинѣ и длинѣ—въ прорѣзяхъ для лутлицъ, а въ особенноти въ продольномъ сводѣ между луками, который, въ правильно сдѣланномъ сѣдлѣ, долженъ бы быть не выше, чѣмъ то требуется необходимостью для устраненія возможности надавливать спину лошади; въ противномъ случаѣ, сѣдокъ слишкомъ высоко отдѣляется отъ лошади, посадка дѣлается менѣ удобною и твердою и, во всякомъ случаѣ, безпокойною для лошади.

б) Чапракъ и подушка.

Въ недавнее время чапракъ и подушка были двухъ родовъ: для парада суконные, для похода кожаные. Теперь суконная пара отбѣнена, а подушка и чапракъ изъ кожи служатъ какъ для парада, такъ и для похода. Съ одной стороны, это хорошо, съ другой для казаковъ, въ экономическомъ отношеніи, можетъ быть и невыгодно. Въ прѣжнее время, казакъ, сдѣлавъ себѣ чапракъ и подушку суконные, могъ отслужить съ ними и всю свою службу. Начальство, зная, что у казака есть эти вещи, мало обращало вниманія на то, чѣмъ прикрывается у него сѣдло въ походной и обыкновенной службѣ. (А прикрывалось оно чапракомъ и подушкою, какіе случатся подъ рукою, смотря по средствамъ каждаго). Теперь же будетъ нѣсколько иначе. При выходѣ на службу, казакъ сдѣластъ новые кожаные чапракъ и подушку, но вещи эти, побывавши попеременно подъ дождемъ, солнцемъ и морозомъ, въ продолженіе двухъ—трехъ лѣтъ могутъ сильно пострадать, и нерѣдко можетъ случиться, что, на третій годъ, командиръ части потребуетъ новыхъ, такъ какъ—де со старыми уже нельзя показаться на смотръ или парадъ. Положимъ, однако, что это будетъ исключеніе; но, при выходѣ во второй разъ на службу, отъ казака непремѣнно потребуютъ новыхъ чапрака и подушки, и это будетъ уже не исключеніемъ, а общимъ правиломъ. Что же при такой переимѣнѣ казаки выиграютъ въ экономическомъ отношеніи? Конечно, ничего, потому что кожаныхъ вещей потребуется болѣе, да и обходится онѣ дороже суконныхъ. Какъ ни желательно избавиться въ строевомъ выюгѣ отъ лишнихъ вещей, предназначенныхъ только для смотровъ и парадовъ, но въ данномъ случаѣ эти лишнія вещи дѣлаютъ значительную экономію въ казачьемъ обмундированіи. А потому, чтобы примирить экономическій

расчетъ и потребность въ облегченіи строеваго вьюка, необходимо допустить, чтобы въ походной, домашней и обыкновенной службѣ казаки могли покрывать не только сѣдло, но и весь строевой вьюкъ съ чапракомъ, сшитымъ изъ сѣраго толстаго сунна, прикрѣпляя его обратною стороною къ черезсѣдельной подпругѣ.

в) *Форменныя кожаныя сумы.*

Въ послѣднее время, вмѣсто суконнаго чемодана, придуманы кожаныя сумы. Но такъ какъ, при быстрыхъ аллюрахъ, сумы могли бы болтаться и бить коня по бокамъ, т. е. по тѣмъ самымъ мѣстамъ, которыя требуютъ полной свободы при скачкѣ, придумали подпругу, которая притягиваетъ сумы къ бокамъ лошади. Приспособленіе это, дѣйствительно, устранило толчки, но оказалось, что подпруга, при движеніи лошади, сползаетъ постепенно назадъ, къ пахамъ, и рѣжетъ ихъ. Чтобы устранивъ это новое неудобство, пробовали не подтягивать туго подпругу; но, при болѣе или менѣе свободномъ движеніи сумъ, двигалась и подпруга, причѣмъ растирала кожу лошади подъ брюхомъ. Можно было бы, пожалуй, придумать еще и новое приспособленіе, а именно: прикрѣплять ремнемъ подпругу отъ сумъ, подъ брюхомъ лошади, ко второй черезсѣдельной подпругѣ; тогда подпруга отъ сумъ, подтянутая туго, дѣйствительно, не могла бы сдвигаться къ пахамъ лошади и не допускала бы толчковъ отъ сумъ.

Вопросъ, однакожъ, въ томъ, на сколько строевому коню, при быстрыхъ аллюрахъ, иногда продолжительныхъ, удобно быть затянутымъ четырьмя подпругами, особенно когда прикрѣпленныя къ одной изъ нихъ сумы сдавливаютъ его бока? Объ удобствѣ этомъ можно судить по тому, во-первыхъ, что гвардейскіе казаки остались при чемоданчикахъ; во-вторыхъ, потому, что новый строевой вьюкъ былъ обязательнымъ и для армейскихъ артиллерійскихъ казачьихъ частей, но артиллерійское строевое начальство исходатайствовало отмену, въ своихъ частяхъ, новаго съ сумами вьюка и возвратилось къ старому вьюку, съ чемоданчикомъ; и, въ-третьихъ, потому, что учебный полкъ на Дону также не имѣетъ новаго строеваго вьюка съ сумами. Остаются, слѣдовательно, съ новымъ строевымъ вьюкомъ одни армейскіе полки. Строевой вьюкъ съ чемоданчикомъ есть общекавалерійскій вьюкъ, и мнѣ никогда ни отъ одного изъ строевыхъ казаковъ не случалось слышать о неудобствѣ въ строевомъ вьюкѣ чемоданчика. Въ измѣненіи послѣдняго, если бы позволительно было чего-либо пожелать, такъ развѣ того только, чтобы онъ былъ весь

кожаный, или же хоть верхняя его часть. Вотъ все, чего можно было бы пожелать въ казачьемъ строевомъ вьюгѣ съ чемоданчикомъ. Это весьма важно въ видахъ предохраненія отъ дождя находящихся въ немъ вещей.

Въ походномъ строевомъ вьюгѣ установлено пять отдѣльныхъ вѣстимлицъ: а) суконный чемоданъ (теперь кожаная сумы); б) фуражные сумы; в) сухарныя сумы; г) сѣдельная подушка и д) конская торба.

Назначеніе фуражныхъ и сухарныхъ сумъ опредѣляется самимъ изъ названіемъ; въ торбѣ помѣщаются скребница, щетка и другія мелкія вещи. Остаются:

Сѣдельная подушка, куда кладется казачинъ съ шароварами и нѣсколько бѣлья; затѣмъ вещи, признанныя для похода необходимыми: малые сапоги, которые въ войну замѣняются только одними подметками, набрюшникъ, наушникъ—при башлыкахъ вещь лишняя; галстухъ, перчатки, портянки полотняныя и суконныя. Вотъ все, что узаконено для помѣщенія въ строевомъ вьюгѣ и что можно, следовательно, допустить командиръ части въ строевой вьюгѣ. Всѣ эти вещи легко и свободно, съ добавленіемъ бѣлья, вмѣщались въ чемоданчикъ.

Стрѣвые казаки рѣшительно въ затрудненіи: что должно класть въ *строевыя сумы*? Нѣкоторые поясняютъ необходимость сумъ тѣмъ, что—де казаки, одѣваясь на свой счетъ, неизбѣжно должны имѣть и кое—какія лишнія вещи и запасы. Очевидно, здѣсь вкралось недоразумѣніе: сумы у казаковъ всегда были въ походахъ съ Дона на службу и обратно; возились онѣ иногда на артельныхъ лошадяхъ, а иногда на строевыхъ, въ особенности со службы, что зависѣло отъ усмотрѣнія начальниковъ частей. Въ послѣднее время, нерѣдко, казаки стали отправлять со службы свои излишнія вещи по желѣзнымъ дорогамъ. Но въ строевой вьюгѣ, и особенно въ военное время, не допускалось ничего, кромѣ вышеуказаннаго; этого, вѣроятно, не знали, при установленіи сумъ для строевого и походнаго вьюка, отъ котораго, между прочимъ, постарались отдѣлаться всѣ казачьи части, кромѣ полевыхъ полковъ.

Строевой вьюгъ раздѣляется на *передній* и *задній*.

Передній вьюгъ составляютъ: плащъ, конская торба и фуражный арканъ.

Задній вьюгъ—чемоданъ, фуражныя и сухарныя сумы. Котелки надѣвались на концы чемодановъ.

При сумкахъ, какъ строевомъ вьюгѣ, необходимо было сдѣлать

новое распределеніе передняго и задняго вьюка, что обуславливалось составленіемъ правилъ для этого. Но задача оказалась неразрѣшимою. Въ четырехъ фуражныхъ и сухарныхъ сумамъ добавились еще: *два форменныя сумы* значительныхъ размѣровъ, котелокъ, плащъ, арканъ и торба; но размѣстить все это болѣе или менѣе удобно, какъ для всадника, такъ и для коня, не оказалось никакой возможности.

А потому, по нашему мнѣнію, чемоданчикъ необходимо вернуть армейскимъ казачьимъ полкамъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ артилерійскихъ казачьихъ частяхъ, а кожаныя сумы отбросить. Чемоданчики слѣдовало бы утвердить кожаные, чтобы они могли защищать отъ дождя вещи находящіяся въ нихъ. Слѣдовало бы также утвердить кожаныя и сухарныя саквы, съ короткими полями, такъ, чтобы онѣ придавливались сверху сѣдельною подушкою и чемоданчикомъ и прикрѣплялись къ сѣдлу, вмѣстѣ съ чемоданчикомъ, торчиннами. Кто ѣлъ сухари, какъ я, изъ полотняныхъ саквъ, тотъ знаетъ, какъ вкусны они бывають, когда промочатся дождемъ и пропитаются конскимъ потомъ (тоже самое бываетъ и съ крупой, и съ саломъ), и потому такую перемену каждый встрѣтилъ бы болѣе нежели съ благодарностію.

г) Уздечка и недоуздокъ.

Во время похода и въ войну, уздечка и недоуздокъ всегда находились, и должны находиться, на лошади; но при различныхъ отправленіяхъ мѣстной службы, къ уздечкѣ прицѣплялся чумбуръ, чѣмъ и устранялась необходимость въ суголовкѣ недоуздка, что, въ свою очередь, устраняло носку ремней, совершенно ненужную, и удовлетворяло самымъ первымъ потребностямъ казаковъ: привязать коня, отвести или привести одного и двухъ коней и проч. Во время учений, при спѣшиваніи, люди, передавъ пугу, бросали чумбуръ на шею лошади коновода, который, прежде нежели взять чумбуръ, долженъ управиться съ пиками, надѣвъ ихъ на ноги, и затѣмъ уже беретъ чумбуры отъ лошадей спѣшившихся людей. Въ настоящее время, чумбуръ съ уздечки отбрасывается, а недоуздокъ долженъ надѣваться только во время похода. Такимъ образомъ, казаки, удовлетворяя первыя свои потребности, во время мѣстной службы, поставлены въ необходимость или обходить вновь узаконенное правило, или просить о возвращеніи имъ прежнихъ, старыхъ казачьихъ правилъ, выработанныхъ практическими потребностями казачьей службы.

ВООРУЖЕНИЕ КАЗАКОВЪ.

Казакъ вооруженъ огнестрѣльнымъ оружіемъ: 6-линейными винтовками, и холоднымъ: пикою и пашкою.

Въ былыя времена, казакъ славился цѣнностью и качествами своего оружія, которое не выходило изъ рукъ казачьихъ и передавалось изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Съ оружіемъ у нихъ нерѣдко связывались самыя дорогія воспоминанія. Для казака оно зачастую служило памятью о спасеніи отъ гибели или отъ позорнаго плѣна близкихъ ему людей; напоминало ему подчасъ отца, брата или друга, завѣщавшаго, вмѣстѣ съ оружіемъ, мечь за свою гибель; иногда оно хранилось, какъ свидѣтель кровавой драмы, въ которой участвовали предки. Преданія нерѣдко принимали характеръ легенды и служили славою и гордостью семьи, цѣлаго рода. Оружіе вывѣшивалось на показъ, на почетномъ мѣстѣ. Казакъ сживался съ полосой стали, вызывавшей въ его памяти картины прежней боевой жизни; испытанный булатъ служилъ ему залогомъ безопасности и надежной защитой противъ врага; онъ былъ для него не только оружіемъ, но чѣмъ-то болѣе дорогимъ, кровнымъ.... Понятно что замѣна такого оружія форменными тульскими «красноложками» и пашками должна была вызвать въ казакахъ скорбныя чувства и естественное пренебреженіе къ новому оружію. И такое отношеніе длилось два—три десятка лѣтъ. Казакъ, по возвращеніи со службы, забрасывалъ свою «красноложку» и пашку на чердакъ. Здѣсь оружіе перебрасывалось бабами изъ угла въ уголъ и валялось до тѣхъ поръ, пока новый нарядъ самого хозяина или его сына на службу не заставлялъ вспомнить о забытомъ оружіи. Тогда его стаскивали съ чердака, натирали кирпичъ, а не то мальчишки приносили съ рѣки песку, и начиналась чистка. Нѣсколько-часовая работа, въ потѣ лица, приводила къ желанной цѣли: оружіе блестѣло! Мало-по-малу такой порядокъ вещей сдѣлался нормальнымъ. Между тѣмъ наступила эпоха нарѣзнаго оружія, и казакъ вооружилъ 6-линейными винтовками.

Въ арміи переходъ отъ гладкоствольнаго къ нарѣзному оружію сопровождался неусыпными заботами начальства и инструкторовъ; заботы дополнялись множествомъ наставленій о способѣ обращенія съ новымъ оружіемъ и о его сбереженіи. То ли дѣлалось у казакъ? Урядники и казакъ имѣли ли наставленія, какія давались въ арміи для унтеръ-офицеровъ и солдатъ? Были ли попытки къ повсемѣстному, въ казачьихъ населеніяхъ, распространенію настав-

лений о сохраненіи новаго, цѣннаго оружія въ домашнемъ быту или объ обращеніи съ нимъ въ казачьихъ частяхъ?... Ставя эти вопросы, я предоставляю другимъ давать на нихъ отвѣтъ. Немедленное разрѣшеніе ихъ было бы, можетъ быть, полезно въ настоящее время, когда возникаютъ вопросы о передѣлѣ казачьихъ 6-линейныхъ винтовокъ.

а) *6-линейная казачья винтовка.*

Этими винтовками, какъ выше сказано, вооружены строевые казаки. Казачья винтовка короче 6-линейной пѣхотной винтовки и имѣетъ иные прицѣльные щитки; ея патронъ съ уменьшеннымъ количествомъ пороха. Правиль для руководства при стрѣльбѣ собственно изъ этой винтовки не имѣется (*). Говоря о состояніи казачьихъ винтовокъ въ недавнее минувшее, я долженъ ограничиться только тѣми немногими фактами, которые мнѣ лично извѣстны. Въ 1866 году, по приходѣ новыхъ полковъ съ Дона въ варшавскій военный округъ, были высланы команды въ комплектъ сборно-учебнаго полка въ городъ Варшавѣ. Послѣ осмотра мною винтовокъ въ своей сотнѣ, я призналъ необходимымъ пригласить оружейнаго мастера казачьей мастерской (учрежденной въ Варшавѣ при штабѣ походнаго атамана) для спеціальнаго осмотра. Оказалось, что, кромѣ исправленія множества различныхъ поврежденій и недостатковъ, нужно было просвинцовать почти всѣ винтовки. Эту операцію пришлось сдѣлать съ винтовками цѣлаго полка, чтобы очистить каналы ихъ отъ болѣе или менѣе значительной ржавчины. Послѣ того, бывши командиромъ сотни въ одномъ изъ нумерныхъ полковъ, я видѣлъ слѣдствія почти полного отсутствія правильного присмотра за оружіемъ: казенныя части стволовъ, при отвинчиваніи казенниковъ (что обыкновенно должно дѣлаться въ тискахъ), были значительно попорчены желѣзными молотками (**); были винтовки съ большими или меньшими искривленіями и углубленіями, отъ ударовъ о твердые острые или тупые предметы. Изъ сотни, около сорока винтовокъ требовали капитальныхъ исправленій. При случаѣ, доведя объ этомъ до свѣдѣнія бывшаго походнаго атамана, я получалъ разрѣшеніе доставить винтовки въ казачью оружейную мастерскую въ Варшаву; но по справкѣ съ цѣнами, обозначенными по таксѣ, предъявленной мнѣ казачьимъ оружейнымъ мастеромъ, оказалось, что или у вольныхъ мастеровъ, или въ

(*) См. дополненіе къ статьѣ «Современное военное образованіе казаковъ». Военный Сборникъ № 9-й 1870 г.

(**) Мнѣ трудно было удерживать людей отъ стрѣльбы изъ винтовки дробью на охотѣ, что, само собою разумѣется, есть слѣдствіе круглаго неопоминанія дѣла.

оружейныхъ мастерскихъ въ линейныхъ частяхъ войскъ, если не дешево, то ужъ никакъ не дороже можно сдѣлать всѣ починки, чѣмъ въ казачьей мастерской. Люди, изъявившіе согласіе на исправленіе винтовокъ въ казачьей мастерской, полагали, что таковая, существуя на отпускаемыя войсковыя деньги и съ рабочими изъ казаковъ, состоящихъ на службѣ, должна исправить ихъ винтовки бесплатно; но когда обнаружилось, что расчетъ этотъ ошибоченъ, то одни изъ нихъ заявили, что они сами объ этомъ позаботятся, другіе отозвались неимѣніемъ денегъ, третьи—что-де, окончивъ 15-лѣтній срокъ своей службы и по возвращеніи на Донъ (въ томъ году должна была придти смѣна полку), они немедленно вышустятъ свои винтовки для охоты, такъ какъ винтовки съ наръзами *дурию дробью стрѣляютъ*, а по исполненіи этого онѣ будутъ бить очень хорошо, какъ о томъ говорилъ имъ дома таковой-то и'такой-то казакъ, *вышустившіе уже свои винтовки*. По вызовѣ меня въ Петербургъ, я оставилъ это дѣло, не успѣвъ согласить всей разногласицы и неурядицы въ сохраненіи и исправленіи казачьяго оружія.

Въ настоящее время, вопросъ о передѣлкѣ казачьихъ винтовокъ на скорострѣльные въ ходу; но по какой системѣ будетъ произведена передѣлка: по системѣ Крышка, или же Бердана? Такъ какъ первая система переходная, то, въ случаѣ передѣлки по этой системѣ, невольнo рождается вопросъ: что же станется съ казачьи-ми винтовками, когда система Крышка въ арміи упразднится? А, между прочимъ, переходное оружіе потребуетъ отъ казаковъ новыхъ и весьма значительныхъ затратъ. Если же передѣлка совершится по системѣ Бердана, то, принимая во вниманіе, что будущее въ нашей арміи оружіе этой системы предполагается 4-линейное, нелишне было бы знать казакамъ прежде: что же станется съ казачьимъ передѣланнымъ 6-линейнымъ оружіемъ? Едва ли возможно допустить, что для казачьихъ винтовокъ будутъ изготовлять особые патроны, отличные отъ тѣхъ, какіе будутъ приняты въ арміи.

Такъ или иначе рѣшится этотъ вопросъ — предугадать пока невозможно. Но не оказалось ли бы возможнымъ развязать узелъ проще: принять казачьи винтовки въ казну, а вмѣсто нихъ выдать казакамъ винтовки бердановскія такого калибра, какой будетъ принятъ въ арміи, и разность стоимости между теперешнею казачьею винтовкою и бердановскою взыскать съ казаковъ. Для казны это выйдетъ капля въ морѣ. Слишкомъ миліонъ 6-линейныхъ винтовокъ увеличится не болѣе какъ на 40—50 тысячъ, такъ какъ часть ихъ

казаки вышпустили, а частью можетъ оказаться, что винтовки приведены въ совершенную негодность.

Высказывая такое предположеніе, я имѣлъ въ виду то обстоятельство, что громадное большинство казенныхъ винтовокъ взято казачами въ долгъ. Такъ, въ одномъ изъ полковъ (выхода 1866 года) долгъ казаковъ за винтовки былъ до 10,000 рублей, а именно: 9,369 рублей 96 копѣекъ. Если присоединить эту сумму къ долгамъ за купленныхъ для службы лошадей—1,928 р. 60 к., за мундирныя и амуничныя вещи—2,070 руб. 56 к., да если прибавить нѣкоторыя другія долговныя статьи казаковъ, подлежащія по взысканію по судебнымъ рѣшеніямъ и проч., то всѣхъ долговъ наберется болѣе чѣмъ на 15,000 рублей.

Переѣлка винтовокъ потребуетъ новыхъ затратъ, и потому къ существующимъ нуждамъ казаковъ прибавятся новыя, и все-таки казаки не будутъ вооружены соответствующимъ нашей арміи оружіемъ. Тогда какъ, при указанномъ обмѣнѣ оружія, если бы казаки и встрѣтились съ нуждою, то все же они имѣли бы хоть утѣшеніе, что, наконецъ, и они вооружены окончательно.

Здѣсь встаетъ сказать нѣсколько словъ о ружейныхъ чаклахъ изъ косматаго войлока (бурки).

Существуетъ мнѣніе, что ружейные чаклы вообще приносятъ будто-бы болѣе вреда, нежели пользы. Быть можетъ, такой взглядъ отчасти и справедливъ по отношенію къ пѣхотѣ; но въ отношеніи къ кавалеріи это мнѣніе не выдерживаетъ критики. У пѣхотнаго солдата самая главная забота обрѣзана на ружье; у кавалериста она сосредоточена на конѣ. У пѣхотнаго солдата двѣ-три амуничныхъ вещи—вотъ и все; у кавалериста, кромѣ оружія и собственной амуниціи, есть еще конокая сбруя и сѣдельный вьюкъ. Поэтому между походными нуждами и заботами пѣхотинца и кавалериста большое различіе. И въ самомъ дѣлѣ, пѣхотный солдатъ, придя на ночлегъ, свободенъ, тогда какъ кавалеристу необходимо разобрать коня, получить и принести сѣно; затѣмъ нужно принести овесъ, напоить лошадь и, снявъ сѣдло, поставить ее на конюязь. Все это потребуетъ два-три часа внимательнаго ухода. Покончивъ съ лошадию, кавалеристъ долженъ заняться очисткой сѣдельнаго вьюка, въ особенности потника, и конской сбруи отъ пыли, грязи и пота, и только послѣ всѣхъ этихъ заботъ онъ можетъ обратиться къ саму себѣ и къ своей амуниціи и оружію. Но онъ уже сильно изнуренъ дневнымъ походомъ и уходомъ за конемъ и сбруей, а потому требовать отъ него еще новыхъ усилій значитъ

требовать невозможнаго: человекъ исполнить это, день въ день, не можетъ. Говорю по опыту. Слѣдовательно, кавалеристъ, при всей доброй волѣ, лишень возможности каждый день заниматься чисткою оружія, а время отъ времени онъ это легко можетъ и долженъ дѣлать. Чахлы на оружіе въ кавалеріи есть истинное благодѣяніе: они облегчаютъ кавалериста въ самое трудное для него время, избавляя отъ ежедневныхъ заботъ заглядывать въ ружье и заниматься чисткою его.

Изъ вышензложеннаго слѣдуетъ само-собой, что чахолъ долженъ обладать непромокаемостью и способностью не пропитываться водою, т. е. качествами, которые дѣйствительно необходимы для защиты оружія отъ дождя и сырости. Только при такихъ условіяхъ чахолъ исполнить свое назначеніе: сохранять оружіе и облегчать кавалериста.

У казаковъ, за исключеніемъ кубанскихъ и терскихъ, прежде употреблялись для ружей кожаные чахлы (*). Чахлы эти обладали указанными качествами, отвѣчали своему назначенію и вполне достигали дѣла, что подтверждаетъ и опытъ. Но въ послѣднее время, по инициативѣ администраціи Войска Донскаго, у казаковъ кожаные чахлы заменены чахлами изъ косматого войлока (бурки), по примѣру кубанскихъ казаковъ.

Чтобы судить о цѣлесообразности войлочнаго чахла, необходимо стать въ положеніе горцевъ, кубанскихъ и терскихъ казаковъ. Между первыми и послѣдними, такъ сказать, была домашняя война: наездъ одной стороны, или набѣгъ другой ограничивался нѣсколькими днями, рѣдко недѣлями. Окончивъ свое предпріятіе, люди, по возвращеніи домой, могли всегда, намочнувъ въ походѣ, чахлы высушивать на печкѣ. Кромѣ того, и самое главное, матеріалъ (бурка) былъ у нихъ домашняго приготовленія, совсѣмъ отличнаго отъ того, какой обыкновенно существуетъ при производствѣ войлока на продажу, а кожаные чахлы нужно было покупать; слѣдовательно, при ограниченнхъ средствахъ, какъ горцевъ, такъ и казаковъ, бурочный чахолъ былъ для нихъ сподручное и ничего нестоющее средство.

Походы донскихъ, уральскихъ, оренбургскихъ и прочихъ казаковъ совершаются по нѣскольку мѣсяцевъ осенью, зимою и весной. Бурочный чахолъ, разъ намочшій, дѣлается нестоющимъ источникомъ для образованія ржавчины на сохраняемомъ имъ ружьѣ. Такое дѣйствіе чахла продолжается до тѣхъ поръ, пока его не высушатъ. Но если не представляется возможности извлечь изъ него

(*). Въ драгунскихъ полкахъ чахлы также кожаные.

влагу, то лучше чахолъ совсѣмъ снять съ ружья. Такъ посмотрѣлъ на бурочный чахолъ и всѣ вышепоименованныя войска, за исключеніемъ Войска Донскаго и, по невозможности доставать этотъ матеріалъ, просили объ отиѣнѣ бурочнаго чахла. Согласно ихъ просьбѣ, чахлы кожаные были имъ возвращены. Войско же Донское, въ надеждѣ на водвореніе бурочнаго производства на Дону, осталось при чахлахъ изъ косматаго войлока. Трудно предсказать, на сколько принесетъ пользы краю эта новая промышленность, если она водворится, но легко предугадать, что бурочный чахолъ для казачьихъ винтовокъ Войска Донскаго, въ осеннихъ и зимнихъ походахъ казаковъ, будетъ по меньшей мѣрѣ плохую защитою.

Въ 1869 году я имѣлъ случай видѣть бурочные чахлы въ полкахъ, пришедшихъ въ томъ году съ Дона въ варшавскій военный округъ. Ткань чахловъ была такъ рѣдка, что просвѣчивала на солнцѣ; самые чахлы были такъ сшиты, что палецъ проходилъ между швами. Вообще они не имѣли ничего общаго съ тѣми бурочными чахлами, которые я видѣлъ на Кавказѣ. И такъ какъ донскіе казаки должны покупать чахлы, поставляемые подрядчиками съ Кавказа, то не лучше ли ужъ покупать имъ кожаные и дома? Послѣдніе, дѣйствительно, могутъ сохранять оружіе и обойдутся дешевле, если принять во вниманіе, что одинъ кожаный чахолъ выдержитъ столько времени, сколько четыре или пять чахловъ бурочныхъ, такихъ именно, какіе я видѣлъ въ Варшавѣ у донскихъ казаковъ.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе указаннаго преимущества кожаныхъ чахловъ передъ войлочными, нельзя не пожелать возвращенія ихъ и Войску Донскому, по примѣру другихъ казачьихъ войскъ и драгунскихъ полковъ. Чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше будетъ не только для казачьихъ винтовокъ, но и для самихъ казаковъ и начальниковъ казачьихъ частей, въ особенности если обратятъ строгое вниманіе на исправное содержаніе и сохраненіе огнестрѣльнаго оружія.

б) *Шашка.*

Прежде нежели говорить о форменной казачьей шашкѣ, я прошу позволенія у военныхъ людей нашей арміи высказать мои личныя впечатлѣнія, вынесенныя мною во время службы на Кавказѣ, и прошу ихъ привести собѣ на память (кто встрѣчалъ такіе случаи) дѣйствіе хорошаго холоднаго оружія на тѣхъ, кто имъ вооруженъ, и на тѣхъ, противъ кого оно было употреблено въ дѣло. Въ Дагестанѣ есть общество, называющееся «Тавлинскимъ».

Горцы этого общества не имеютъ другого холоднаго оружія, кромѣ длинныхъ—въ аршинъ и болѣе—кинжаловъ; но какиихъ кинжаловъ? Что захватилъ тавлинецъ своимъ кинжаломъ: голову, руку, ногу или оружіе врага—все пополамъ! Дѣйствіе этихъ кинжаловъ поразительное, и люди, разъ бывшіе въ рукопашной схваткѣ съ тавлинцами, при слѣдующей встрѣчѣ старались, по-возможности, избѣгать съ ними столкновенія. Такъ, въ 1849 году, подъ Ахтами, послѣ разбитія Шамши, вся кавалерія бросилась преслѣдовать бѣжавшія скопища татаръ. Я вначалѣ не могъ понять и объяснить себѣ: почему, какъ казаки, такъ и сама милиція (маршые татары) старательно обкашивали одну неприятельскую толпу и гнались дальше за другими, оставляя эту завѣтную толпу за собою? Дѣло было жаркое, азартное. Переправа черезъ очень быструю рѣку въ бродѣ, съ самаго начала дѣла, была предоставлена личнымъ соображеніямъ каждаго. Дѣло было трудное.... Но, разъ очутившись на противоположной сторонѣ рѣки, каждый бросался въ бой по личному влеченію и личнымъ соображеніямъ. Завѣтная толпа оказалась состоящею изъ *тавлиницевъ*.... Казаки и татары смѣло врѣзывались въ неприятельскія массы; тавлинцы же, благодаря своимъ страшнымъ кинжаламъ, бѣжали, относительно, съ большимъ спокойствіемъ и удобствомъ. Передъ лицомъ этого факта (а таковыхъ, вѣроятно, немало найдется у военныхъ людей), кто станетъ оспаривать нравственное вліяніе, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ кавалерійскомъ, обнаруживаемое неприятелемъ, вооруженнымъ отличнымъ холоднымъ оружіемъ? А если это дѣйствительный фактъ, то какъ объяснить существованіе оружія, которое называется форменною казачьею шашкою, способною дѣлать только синяки и, ударомъ своимъ, скорѣе переломить что-либо, нежели перерубить? Казачья шашка скорѣе форма, нежели оружіе; это кусокъ желѣза, и притомъ безъ всякаго отвѣса: тяжела въ рукѣ и легка на ударъ. Между тѣмъ, надобно, чтобы она была легка въ рукѣ и тяжела на ударъ; она должна быть достаточно длинна и достаточно широка, и если не вся, то хоть лезвее должно быть стальное: иначе она не будетъ имѣть достаточной твердости, необходимой для того, чтобы рубить. Такая шашка *са отъ сомы*, при умѣньѣ владѣть ею, будетъ страшнымъ оружіемъ. Все что она только доставитъ своимъ лезвеемъ—будетъ дѣлаться пополамъ.

При всей неудовлетворительности, въ военномъ отношеніи, казачьей шашки, въ послѣднее время еще и нога ея ухудшилась: вмѣсто нортэпей черезъ плечо, какъ у драгуноръ и горцевъ, она носится теперь казаками на поцной сабельной портэпѣ. Шашка, на

Т. LXXVII. Отд. I. 15

сабельной портэпелъ, не будучи поддерживаема на заднемъ второмъ погонѣ, виситъ на одномъ боковомъ, и потому свободно болтается, бьетъ по ногамъ и путается между ними, что въ особенности неудобно при спѣшиваніи и быстрой разсыпкѣ въ цѣнь. Кромѣ того, на поясной портэпелъ, кромѣ шашки на лѣвомъ боку, впереди помещаются и патронташи съ 40 боевыми патронами. Но и это еще не все. Во время конной перестрѣлки, пика, чтобы она не мѣшала правой рукѣ при стрѣльбѣ изъ винтовки, привѣшивается казаками на балбертѣ, укрѣпленной на перевѣсѣ пика, на поясной же ремень съ праваго бока. Такимъ образомъ, на брюхѣ и на поясницѣ образуется довольно почтенная тяжесть—тяжесть, требующая хорошихъ брюшныхъ мускуловъ, чтобы быть безвредною для здоровья людей.

в) Пика.

Между военными людьми существуетъ о пикѣ два мнѣнія: одно за, другое противъ нея. Каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ свои серьезныя основанія. Нѣкоторые полагаютъ, что пика вообще лучшее кавалерійское оружіе; другіе, наоборотъ, считаютъ пика бесполезнымъ орудіемъ. Я не могу согласиться безусловно ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ, и готовъ согласиться съ каждымъ изъ нихъ, смотря по тому, о какой части кавалеріи идетъ рѣчь. Если, напримеръ, рѣчь пойдетъ о драгунахъ, то пика окажется болѣе чѣмъ ненужной—она будетъ просто вредна. Если же мы станемъ говорить о линейной кавалеріи, то пика—оружіе полезное. Я не сказалъ «необходимое», а только «полезное». Полезна она потому, что воиска думаютъ о пикѣ, какъ о страшномъ оружіи. Мнѣніе это основывается на представленіи въ воображеніи того страшнаго момента, когда всадникъ, въ бѣшеномъ разгонѣ, можетъ всадить пика въ противника. Такой ударъ кажется страшнѣе бомбы, ибо моментъ разрыва ея для насъ менѣе уловимъ; мы не можемъ себѣ представить этого момента такъ ясно, опредѣленно и осязательно, чтобы сравнить его съ ударомъ пика, напримеръ, въ грудь. Кто участвовалъ въ бою и видѣлъ хоть одинъ удачный ударъ пика, тому легко, при небольшомъ лишь усилии воображенія, представить себѣ его до ощущенія боли въ собственной груди. Но на томъ дѣлѣ и должно остановиться, такъ какъ ударъ, въ дѣйствительности, человеку, не потерявшему головы и хорошо владеющему шашкою или ружьемъ, легко отбить и нанести, уже беззащитному всаднику, смертельный ударъ, а этотъ послѣдній ударъ, для всадника съ пикой, неотразимъ. Наоборотъ, если бы у всадника, вмѣсто пика, была доб-

рая шапка, и если бы его выпадъ былъ отпарированъ (пашкою или ружьемъ противника), то это еще не значило бы, что онъ погибъ, такъ какъ всадникъ, въ свою очередь, можетъ отбить ударъ, направленный на него. Ясно, кажется, что выгоднѣе въ дѣйствительности. Но нравственнымъ вліяніемъ оружія должно пользоваться, не разбирая, на чемъ такое вліяніе основывается: на воображеніи или на дѣйствительности. Для насъ важно то, что ника несомнѣнно имѣетъ такое вліяніе.

Такимъ образомъ, для линейной кавалеріи пика полезна, но для драгунцовъ она была бы вредна: она имѣла бы при спѣшиваніи, обременяла бы коноводовъ и не допускала бы (какъ верѣдно это требуется на войнѣ) спѣшиванія въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ то дѣлается у насъ на ученьяхъ. Въ войнѣ, напримѣръ, спѣшиваются $\frac{5}{6}$, такъ что въ цѣломъ отдѣленіи остается одинъ человекъ, держащій лошадей передней и задней шеренгъ. Я сказалъ «верѣдно», а слѣдовало бы сказать *почти всегда*. Если разъ рѣшено, что спѣшиваніе возможно и необходимо, то каждый начальникъ части возьметъ въ пѣший строй все, что можетъ только взять, потому что, въ данный моментъ, успѣхъ дѣла зависить отъ пѣшихъ людей. Спѣшиваются, стало-быть, для того, чтобы достичь этого успѣха; если же его нельзя достигнуть съ усиленными средствами, которыя имѣются на лицо, то и спѣшиваться не стануть.

Въ общемъ результатъ оказывается, что наша регулярная кавалерія вооружена пиками или невооружена ими, смотря по ея назначенію. Но пора же, наконецъ, обратить вниманіе и на ирегулярную кавалерію и рѣшить: какую пользу—не говорю приносилъ—а будетъ приносить тотъ арсеналъ оружія, которымъ увѣшиваются казаки? Когда вооруженіе казаковъ зависѣло отъ ихъ доброй воли и отъ количества оружія, находившагося почти въ каждой казачьей семьѣ въ изобиліи, тогда, конечно, бесполезно было заводить объ этомъ рѣчь; но теперь, когда оружіе для казаковъ опредѣляется потребностью даннаго времени, должно требовать только такого, которое, въ дѣйствительности, необходимо, и устранить то оружіе, которое бесполезно или даже вредно.

Казаки донскіе, кубанскіе, терскіе, уральскіе и проч. не только природные кавалеристы, но они и естественные драгуны. Всемъ извѣстно, что наибольшую пользу казаки могутъ принести въ малой войнѣ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; но чтобы ихъ дѣйствіа въ малой войнѣ были возможно-самостоятельны, надобно, чтобы казаки были и кавалеристами, и, въ то же время, пѣхотинцами. И они, дѣй-

ствительно, могутъ быть и тѣмъ, и другимъ, и притомъ обладать лучшими качествами и кавалеріи, и легкой пѣхоты. Само собою разумѣется, что для того необходимы извѣстные условія. Признавая за казаками и эти, и другія разнообразныя военныя способности, надобно, сообразно съ ними, назначить казанамъ и соответствующее вооруженіе, и сообщить имъ нужную подготовку, которой требуетъ настоящее время.

Обращаясь къ вооруженію, прежде всего наталкиваемся на вопросъ: пужно ли оставить пику въ штатномъ оружіи казакамъ, или нѣтъ? Руководствуясь вышеизложенными соображеніями, кажется, слѣдовало бы признать достаточнымъ, чтобы казанъ имѣлъ одно огнестрѣльное и одно холодное оружіе, лишь-бы онъ владѣлъ тѣмъ и другимъ въ совершенствѣ. Для него, по моему мнѣнію, совершенно достаточно современной хорошей винтовки и хорошей пашки, такой пашки, о которой я говорилъ выше. Вообще, что вѣрно для линейной кавалеріи, то должно быть вѣрно и для казаковъ: если пика неудобна для драгунновъ, какъ для кавалеріи спѣшивающейся, то она должна быть также неудобна и для казаковъ, которые должны также спѣшиваться. Чѣмъ меньше оружіа, чѣмъ оно сообразнѣе съ своимъ назначеніемъ, тѣмъ охотнѣе и лучше будутъ имъ владѣть.

Я указалъ выше значеніе пика; но значеніе это условное. Пика мѣшаетъ при стрѣльбѣ верхомъ, а стрѣльбу съ коня слѣдуетъ развивать до возможнаго совершенства; пика мѣшаетъ наѣздничеству; пика вредна при спѣшиваніи, которое должно быть свободно, во что-бы то ни стало, отъ всякихъ стѣсненій; пика, наконецъ, не такъ страшна вообще на самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ. Сомкнутыя атаки кавалеріи, дѣйствительно, бываютъ страшны для разстроенныхъ пѣхотныхъ частей, но не оружіемъ, которымъ кавалерія вооружена, а силою разгона массы лошадей. Говорю по опыту и прошу вѣрить—скажу безъ ложной скромности—вѣрить человеку, побывавшему подъ копытами непріятельскихъ коней.

21-го іюня 1845 года дѣло было жаркое. Стоялъ густой туманъ. Толпа человекъ въ семьдесятъ, куда и я попалъ, состояла изъ солдатъ разныхъ полковъ, казаковъ допскихъ и линейныхъ, грузинъ и проч. Передовые татары обсакивали насъ и неслись дальше. Мы стояли молча, не стрѣляли. Но вотъ вырвалась изъ тумана сплошная масса бѣшено-ичавшихся всадниковъ. Толпа наша дрогнула... И этотъ сбродъ людей, какъ по командѣ, поднялъ ружья и сдѣлалъ залпъ, первый и послѣдній. Чѣмъ были вооружены всадники и были-ли они

вооружены, было для насъ неважно. Для насъ ясно было лишь то, что налетѣвшій ураганъ можетъ опрокинуть насъ. Одна эта мысль явилась у всѣхъ, а потому, въ одну минуту, безъ всякой команды, раздался общій, дружный залпъ. Кавказскія войска въ такія минуты берегутъ свой послѣдній выстрѣлъ до наступленія критической минуты и расстаются съ нимъ только тогда, когда всякая надежда потеряна. Я полагаю, что мой простой рассказъ факта можетъ служить достаточно сильнымъ аргументомъ въ пользу мнѣнія, что кавалерійская атака страшна въ сущности не оружіемъ, какъ нѣкоторые думаютъ, а силою разгона лошадей. Больше убѣдительныхъ доказательствъ я не имѣю.

Въ наше время, въ помощь военному дѣлу выступили такія вспомогательныя средства, о которыхъ прежде и думать не смѣли. Эти средства требуютъ искусства владѣть ими и противодѣйствовать имъ; они требуютъ новыхъ приѣмовъ и новой подготовки войскъ, какъ для того, чтобы пользоваться современными средствами, такъ и для того, чтобы умѣть употреблять ихъ во вредъ непріятелю. Напримѣръ, желѣзная дорога, находящаяся въ нашемъ распоряженіи, намъ полезна, а въ рукахъ непріятеля она намъ вредна. Въ этомъ случаѣ мы употребляемъ мѣры воспрепятствовать непріятелю пользованіе желѣзною дорогою: мы снимаемъ рельсы, порти́мъ полотно, взрываемъ мосты. Но порча порчѣ рознь. Съ голыми и неумѣлыми руками, правда, можно испортить дорогу, но за то и восстановленіе пути потребуетъ лишь нѣсколькихъ часовъ времени, если повзды будутъ имѣть при себѣ необходимый матеріалъ для исправленія поврежденій. Совсѣмъ не то будетъ, если въ нашемъ распоряженіи окажутся искусныя руки, соответствующіе потребности инструменты и средства. Въ послѣднемъ случаѣ, можно ту же дорогу, и при тѣхъ же условіяхъ, испортить на нѣсколько сутокъ и болѣе. То же самое можно сказать и о порчѣ мостовъ. Чтобы взорвать мостъ, необходимо знать извѣстные приемы, умѣть искусно обращаться съ порохомъ и проч. Наконецъ, приспособленіе мѣстныхъ предметовъ въ оборонѣ, умѣнье забросать фаншинами болото, построить какой-нибудь мостикъ или плотъ, для перевозки оружія и сѣделъ, и проч. — все это въ наше время крайне необходимо, если желаемъ, чтобы казаки наши показали Европѣ настоящую силу кавалеріи.

Первая русская война напомнитъ Европѣ о силѣ казаковъ, подготовленныхъ и вооруженныхъ современными средствами. Средства

эти таковы, что съ ними казаки превзойдутъ славу отцовъ своихъ, известную Европѣ назадъ тому полстолѣтія.

Правда, для того, чтобы казаки были тѣмъ, чѣмъ они могутъ быть, надо еще многое. Если мы сумѣемъ передать имъ это многое, то и получимъ все; если же мы не дадимъ имъ того, чего требуетъ наше время, то не казаки, а мы сами будемъ виноваты въ томъ, если они не оправдаютъ возлагаемыхъ нами на нихъ надеждъ.

У насъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ образоваться цѣлыя арміи кавалеріи: казаки, кавказцы, стеники, что положительно невозможно для Европы. Если мы дадимъ имъ соответствующую организацію, современныя средства и надлежащую подготовку, то будемъ имѣть такую силу, которая не встрѣтитъ себѣ равнаго соперника во всей Европѣ.

Ко всему тому, что я говорилъ въ этой статьѣ и въ первыхъ моихъ статьяхъ, необходимо добавить:

1) казачьи полки должны имѣть шанцевый инструментъ въ необходимомъ количествѣ, для приспособленія мѣстныхъ предметовъ къ оборонѣ и для устройства и порчи сообщений; они должны умѣть владѣть этимъ инструментомъ, умѣть взрывать мосты, желѣзныя дороги и проч.;

2) отъ офицеровъ, урядниковъ и казаковъ-инструкторовъ слѣдуетъ требовать, кромѣ строевыхъ и стрѣльбовыхъ знаній, и того, о чемъ мы сейчасъ говорили, и чтобы, по возвращеніи въ свои части, они обучали тому лучшихъ же казаковъ;

3) офицеры и урядники-инструкторы должны умѣть читать географическія и топографическія карты и имѣть хоть начальныя понятія о чертежахъ укрѣпленій, мостовъ и проч. («Руководство саперныхъ работъ въ полѣ»), чему, въ своихъ частяхъ, они должны обучать болѣе грамотныхъ урядниковъ и казаковъ;

4) должно требовать отъ казаковъ, чтобы всѣ они, по прослуженіи двухъ лѣтъ на полевой службѣ казачьихъ полковъ, были грамотными, знали рубку шашкою и стрѣляли хорошо. Экзаменъ во всемъ этомъ долженъ быть самый тщательный (*). Грамотность, кромѣ общаго значенія, необходима и въ чисто-военныхъ расчетахъ, особенно въ такомъ сложномъ вопросѣ, какъ кавалерійское дѣло.

«Относительно массъ безусловно вѣрно то, что гдѣ больше чи-

(*) Дознаю опытомъ, что въ сотнѣ изъ 70 человѣкъ неграмотныхъ, въ 4 1/2 мѣсяца, при ежедневныхъ вечернихъ занятіяхъ по два часа, осталось около 10 человѣкъ неграмотныхъ. Въ этомъ числѣ были люди среднихъ лѣтъ. Следовательно, двухъ-лѣтній срокъ слишкомъ достаточенъ для обученія грамотѣ, при серьезномъ отношеніи къ дѣлу.

таютъ, тамъ больше и думаютъ; масса же, сильная въ мысленной работѣ, всегда будетъ бить ту, которая въ этой работѣ слаба».

5) Конныя батареи изъ картечниковъ могутъ замѣнить заднюю соминутую часть для кавалеріи, способной спѣшиваться и вести разсыпной бой. Кавалерія наша, съ конными батареями картечниковъ, могущихъ замѣнить ей соминутыя пѣхотныя части, явится твердою и очень подвижною силою, способною быстро переноситься на значительныя пространства. Вся суть будетъ заключаться въ качествѣ лошадей и умѣньѣ сберегать ихъ силы. Картечники, съ донскими лошадьми и съ казачьею прислугою, для кавалерійскихъ отдѣльныхъ дѣйствій не оставятъ желать ничего лучшаго. Конныя батареи изъ картечниковъ принесутъ кавалеріи пользу не въ однихъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, но и въ преслѣдованіи разбитыхъ непріятельскихъ войскъ, въ числѣ которыхъ всегда есть части, сохранившія порядокъ и прирывающія спѣшенные войска. Части эти будутъ удерживать кавалерію въ почтительномъ отдаленіи; наша артилерія не всегда можетъ быть подъ рукою для того, чтобы помочь въ такихъ случаяхъ кавалеріи. Вотъ тутъ-то и явится благодарное поле для нашихъ конныхъ картечниковъ, состоящихъ непосредственно при кавалеріи. Картечники могутъ быть возимы даже и на вьюкахъ.

Желаемъ же нашей кавалеріи конныхъ картечниковъ съ донскими лошадьми и казачьею прислугою.

Есаулъ Духмасовъ 1.

22 октября 1870 г. С.-Петербургъ.

(*) См. Военный Сборникъ № 3 1867 г. «Австро-прусская война» г. Драгомирава.